

Левое плечо, бедро и лодыжка заныли от удара, но Таотэ продолжал сидеть на земле, глупо замерев.

Прямо перед ним стоял крохотный человечек и сердито раздувал щёки. Он застыл как раз на том месте, где мгновение назад приседал оборотень.

Что вообще произошло?

Таотэ ошеломлённо воззрился на обиженно надувшегося малыша:

— Ты...

— Хм! — кроха упёр руки в бока и высоко задрал носик, обиженно выпятив губу.

Кое-как поднявшись на ноги, Таотэ всё ещё не верил собственным ощущениям. Этот карапуз только что поднял его и швырнул в сторону... Хотя буквально минуту назад не мог совладать даже со слабой травинкой. Как такое возможно?

Таотэ во все глаза разглядывал маленькое существо. Спрашивать напрямик он не спешил — сначала хотелось разобраться во всём самому.

В душе шевельнулось подозрение. Всё это время он считал крохотного Якоба совершенно безобидным, но, похоже, крупно ошибся. Пусть этот Портер и был размером с ладонь, силой его природа точно не обделила.

Таотэ прищурился.

«Зачем этот загадочный кроха притворялся слабым и беззащитным, ютясь в моей убогой лачуге? Каковы его истинные мотивы?»

Но не успел оборотень углубиться в подозрения, как гордо вздёрнувший подбородок человечек вдруг покачулся и неуклюже шмякнулся на попу.

Сделав осторожный шаг вперёд, Таотэ заметил неладное. Малыш с налитыми здоровым румянцем щёчками мгновенно побледнел, приняв мертвенно-белый оттенок.

— Эй, что с тобой? — спросил Таотэ.

Приближаться он не торопился, наблюдая за ним с безопасного расстояния.

— М-м... — тихо застонал кроха, он поморщился от боли.

Он лежал на сырой земле совсем голышом, слабо шевеля крошечными ручками, а в глазах уже заблестели слёзы.

Таотэ всё ещё оставался настороже, хотя было очевидно, что малютка сейчас совершенно беспомощен. Сорвав жёсткий стебель зеленолистника, оборотень слегка ткнул им в мягкий бледный животик Якоба:

— Ну и как ты это провернул?

— У-у-у... — тихо хныкнул побледневший Якоб, втягивая голову в плечи. Он попытался прикрыть живот ладонками, но руки не слушались. Ему явно было очень плохо.

Острый край зеленолистника оказался слишком жёстким для нежной кожи — на незащищённом животике тут же проступило красное пятно. Кроха вскрикнул от боли, и он расплакался.

Жалости Таотэ не испытывал: в конце концов, этот сорванец только что безжалостно швырнул его на землю.

— Больно... Больно, Таотэ, мне больно... — едва слышно прошептал Якоб, моля о пощаде.

Он лежал пластом, не в силах даже приподнять руку. Сил в нём совсем не осталось, голос угас до слабого писка.

Вдруг Таотэ заметил, что под спиной малыша земля начала темнеть от влаги. Слегка нахмурившись, он аккуратно подцепил кроху сложенным стеблем зеленолистника и перевернул на живот.

Предчувствие его не обмануло: на пояснице малютки снова зияла рана, которая, казалось, уже полностью затянулась. Из неё толчками струилась кровь, быстро пропитывая сухую землю.

— Да что ты натворил? — Таотэ наконец решился взять Якоба на руки и опешил: тельце малютки было горячим, как раскалённый уголь. Его лихорадило.

Малыш обмяк в его ладони, словно лишился костей. От любого прикосновения он жалобно скулил, сквозь слёзы зовя оборотня по имени:

— Таотэ... Таотэ...

Он смотрел на него невыносимо жалобно, с немым страданием.

— Ладно, сейчас остановлю кровь, — недовольно проворчал Таотэ. Сжав Якоба в кулаке, он

поспешил в хижину, чтобы отыскать остатки лекарственной мази.

«Таотэ...»

Чувствуя, что оборотень держит его небрежно, без прежней теплоты, а рану обрабатывает сухо и безучастно, Якоб ощутил невыносимую обиду. Раньше Таотэ так за него переживал! А теперь бросил на грязную, ледяную землю, рана горит огнём, а ему хоть бы хны. Ещё и этой острой штукой в живот ткнул, словно ножом...

От этих мыслей это чувство окончательно захлестнуло малютку, и он безутешно разрыдался.

Вернувшись в дом, Таотэ аккуратно устроил Якоба на столе и принялся бережно втирать лекарственную мазь в рану. Порез был не таким глубоким, как в первый раз, но кровь никак не унималась. К счастью, грязь внутрь не попала, так что тратить время на промывание не пришлось.

Нанося средство, оборотень с любопытством изучал ранение. Ему до смерти хотелось понять, как устроено это крошечное тело, способное на подобные чудеса силы. Увлёкшись своими мыслями, он не заметил, что он действовал слишком грубо.

Ощувив резкую боль от сильного нажатия, Якоб судорожно зажмурился. Он изо всех сил стиснул зубы, но слёзы хлынули с удвоенной силой.

Обида душила его, но в глубине души кроха понимал, что сам виноват. Нельзя было швырять Таотэ. Оборотень ведь заботился о нём: кормил вкусной едой, сшил новую одежду, дочиста отмыл... А он из-за какого-то пустяка разозлил своего спасителя. И теперь Таотэ на него сердится.

Лишённый возможности пошевелиться, Якоб лежал ничком на деревянной столешнице, беззвучно содрогаясь от рыданий. Он обиженно кривил рот, но не издавал ни звука, отчаянно боясь, что плач разозлит Таотэ ещё сильнее.

Закончив с лекарством, Таотэ на секунду замер, осознав неладное.

«Почему в этот раз малютка ведёт себя так тихо? Обычно при малейшей царапине он поднимал рёв, а тут — ни звука. Не слишком ли подозрительное молчание?»

Осторожно перевернув Якоба лицом к себе, он взгляделся в его заплаканное личико.

— Ну и чего ты опять ревьешь? — удивлённо спросил Таотэ, но тут же осекся. — Погоди, ты что... плачешь молча?

Таотэ нахмурился, чувствуя, что ситуация окончательно запуталась.

С трудом сглотнув слюну, Якоб дождался, пока утихнет первая резкая боль и головокружение. Немного восстановив силы, он прижал пухлые ладошки к губам, отчаянно сдерживая рыдания. Но крупные слёзы катились по его щекам сплошным потоком, а в покрасневших глазах застыла горькая обида.

— Всё ещё больно? — смягчился оборотень.

Кроха не отвечал. Он лишь крепче сжимал ладони у рта, продолжая беззвучно плакать. Слёзы уже насквозь пропитали его крошечную грудь, полностью смыв с лица дорожную пыль.

— Ну скажи хоть слово! — терпение Таотэ перед лицом этой непонятной драмы начало иссякать.

— И-и-их... Уа-а-а!.. Ты на меня накричал! Ты на меня прикрикнул!.. Уа-а-а! — стоило Якобу убрать руки от лица, как он зашёлся в безудержном плаче. От резких вдохов раненая поясница заныла с новой силой, заставив его зарыдать ещё горше: — Уа-а-а... Ты злой! Прикрикнул на меня!

— Да когда я на тебя кричал? — Таотэ окончательно лишился дара речи. Ну да, он немного рассердился, но ведь голоса даже не повышал!

— Прикрикнул! Точно прикрикнул! — всхлипывая и уже начиная икать, упорствовал Якоб. — И ножом меня ткнул! Прямо в живот! У-у-у...

Держа на ладони это горько плачущее существо, оборотень не знал, что и сказать. Каким бы странным ни был источник его нечеловеческой силы, этот глупыш явно не желал ему зла. Но главное... когда это он успел его «пырнуть ножом»?

Взгляд Таотэ упал на лежащую рядом острую пластину зеленолистника, которой он пробовал проткнуть малютку. Лицо оборотня невольно перекосило.

«Ну ладно, край у этого листа действительно длинный и довольно жёсткий...»

Кроха плакал навзрыд, то торопливо вдыхая, то затихая. На его белом животике отчётливо виднелся оставленный стеблем багровый след, вздымавшийся в такт прерывистому дыханию.

— Ну всё, тише. Хватит плакать, а то рана разойдётся, и будет ещё больнее, — Таотэ осторожно погладил подушечкой указательного пальца покрасневший животик Якоба.

Кожа малыша была мягкой, нежной и очень горячей — касаться её было на удивление

приятно. Не обращая внимания на испарину, покрывавшую тельце малютки, оборотень с улыбкой наблюдал, как тот от удовольствия смешно поджимает крохотные пальчики на ножках.

Постепенно Якоб успокоился. Обхватив ручками и ножками палец Таотэ, он шмыгнул носом и с укоризной прошептал:

— Но ты всё равно на меня прикрикнул.

Таотэ лишь тяжело вздохнул, не найдя подходящего ответа.

— Отдыхай здесь, а я пойду закончу с сорняками, — проговорил он, пытаясь скрыть невольную улыбку. Выдерживать этот пристальный, полный слёз взгляд было выше его сил.

Чем дольше они были вместе, тем яснее Таотэ понимал: этот человечек — вылитый маленький питомец. Любит ласку, капризничает, требует внимания и терпеть не может строгий тон. Стоит лишь повысить голос — тут же заливается горячими слёзами. С ним нужно было обходиться бережно, «гладить по шёрстке» — тогда он мгновенно становился послушным и покладистым. В сущности, славный и очень понятливый малыш.

— Я с тобой! — вскинулся Якоб. Он резво перевернулся, уселся на столешнице и воинственно взмахнул своими тонкими ручонками, стараясь казаться невероятно сильным. — Я могу помочь!

У Таотэ голова пошла кругом.

— Даже не думай. Лежи и отдыхай. Ты ранен, и если будешь скакать...

Он не успел договорить — Якоб демонстративно повернулся к нему задом, выпятив круглые белые ягодичы. И на его безупречно гладкой спине не было ни малейшего следа недавнего пореза. Лишь размазанные остатки лекарственной мази блестели на чистой коже.

— Да как это возможно? — опешил Таотэ.

Он схватил малютку и принялся вертеть его так и сяк, осматривая каждый миллиметр. Но кроме нескольких размазанных капель крови, спина Якоба была девственно чистой, словно ранения никогда и не было.

Сам же виновник переполоха вёл себя на удивление невозмутимо. Словно заправская мартышка, он ловко перебрался по запястью оборотня на его плечо, уцепился за волосы и съехал вниз, плюхнувшись прямо на колено Таотэ.

Таотэ лишь скептически поджал губы. Какая поразительная беспечность!

Впрочем, устраивать новый допрос с пристрастием он не стал. Оборотень уже понял, что кроха вовсе не пытается водить его за нос. У этого глупыша просто напрочь отсутствовало понимание того, насколько его невероятные способности выбиваются из привычной картины мира оборотней.

От этой мысли лицо Таотэ невольно приняло весьма озадаченное выражение.

<http://bllate.org/book/20392/2151951>